

В. В. КОЧЕТКОВ

Институт прав человека и ювенальной юстиции Российского государственного социального университета (г. Москва, Россия)

Л. Н. КОЧЕТКОВА

Московский государственный институт радиотехники, автоматики и электроники (г. Москва, Россия)

ПОСТИНДУСТРИАЛЬНОЕ ОБЩЕСТВО И СОЦИАЛЬНО-ПРАВОВОЕ ГОСУДАРСТВО

Наукові праці МАУП, 2009, вип. 3(22), с. 119–127

Анализируется теоретический генезис и современное состояние абстрактно взятой модели социального и правового государства. Выяснено соотношение количественных и качественных показателей уровня оптимальной зрелости “общества благоденствия”, в лоне которого может возникнуть и сконституироваться социально-правовое государство. “Образцов” подобных обществ и государств авторы не выделяют, лишь намекая на то, что начавшийся всемирный экономико-финансовый кризис может “исказить облик” любых подобных “образцов”.

Любая интересная теория появляется в виде плодотворной гипотезы, которая постепенно трансформируется в парадигму или, другими словами, в перспективную исследовательскую программу. Парадигма, являясь своеобразной картиной мира, в свою очередь, определяет вектор дальнейших научных изысканий. Нечто подобное произошло с теорией постиндустриального общества. Данная концепция первоначально была сформулирована **Д. Беллом** в начале 60-х годов XX в., обрела зрелость в середине 70-х годов после выхода в свет фундаментальных работ его же и **Э. Тоффлера**, а с начала 80-х годов полностью определяла взгляд мирового научного сообщества на современный социум. Почему же так произошло?

Ответ на вопрос — одна из целей нашей статьи. Сами же и отвечаем на него. Это стало возможно по нескольким важным причинам. Во-первых, концепция постиндустриального общества удачно сочетает в себе как глубокий социально-философский анализ общества, так и методологию прикладной философско-социологической доктрины. Она красиво интегрирует решение задач исторической периодизации с определением

структуры, характера и сущностных черт современных западных обществ. Во-вторых, основоположники концепции четко связывают формирование нового социума с прогрессом научных знаний и технологическими достижениями, что оказалось очень уместным в послевоенном мире, когда в общественном мнении стала доминировать исключительно высокая оценка роли науки, образования и развития технологий. В-третьих, эта доктрина с самого начала подвергла резкой критике разграничение обществ на “капиталистические” и “социалистические”, отмечая, что оно не является сущностным. И крах стран Восточного блока, по нашему мнению, сильно укрепил эту позицию. В-четвертых, эта концепция удачно объяснила существующее в мире неравенство тем, что разные страны находятся на различных ступенях общественного развития, и тем самым она вселяла оптимизм в души отстающих.

Таким образом, теория постиндустриального общества не только объясняла историю человечества, структуру современного западного общества и движущие силы его развития, но и позволяла прогнозировать будущее, что делало ее подлинно научной теорией по всем эписте-

мологическим стандартам. Однако же тут любопытно одно обстоятельство, на которое почти не обращают внимание. Данная исследовательская программа сформировалась в период расцвета социального государства в ведущих странах Запада и получила статус парадигмы с начала 80-х годов одновременно с жесткой неолиберальной критикой всех институтов социального государства и попыткой их демонтажа, а также зарождением такого неоднозначного феномена, как глобализация [3]. Такая связь имеет неслучайный характер. Поэтому в данной статье мы попытаемся эксплицировать методологию и основные положения теории постиндустриального общества, которые помогают прояснить реальные изменения в современном социуме. В этом — вторая, по значимости, исследовательская цель статьи.

Далее, мы исходили из той посылки, что теоретические постулаты в “сочетаниях” с реальными сдвигами в жизни современного социума действительно оказывают сильное влияние на социальное государство, которое было и остается, по нашему глубокому убеждению, исторически жизнеспособной формой социального компромисса, имеющего своим основанием жизненный мир человека эпохи модерна. Концепция постиндустриального общества является предельно широким научным обобщением. Ее смысл, отмечал ее создатель — **Д. Белл**, “может быть понят легче, если выделить пять компонентов этого понятия: 1) в экономическом секторе: переход от производства товаров к расширению сферы услуг; 2) в структуре занятости: доминирование профессионального и технического класса; 3) осевой принцип общества: центральное место теоретических знаний как источника нововведений и формулирования политики; 4) будущая ориентация: особая роль технологии и технологических оценок; 5) принятие решений: создание новой “интеллектуальной технологии” [1, 18].

Именно эти характеристики отличают постиндустриальное общество от доиндустриального и индустриального обществ. Или, говоря языком **Э. Тоффлера**, этим отличается “третья волна” от первых двух волн. Рассмотрим подробнее данную концептуальную схему. Действительно, бурное развитие индустрии в первой половине XX в. привело к тому, что сектор услуг стал доминировать как с точки зрения количества занятых в нем работников, так (правда, не сразу и не везде) и по его доле в структуре ВВП.

Почему рост производительности труда приводит к таким парадоксальным результатам?

Чтобы ответить на этот вопрос, надо пояснить, что под сферой услуг в теории постиндустриального общества понимают как услуги, непосредственно связанные с производством (такие, как транспорт, строительство и торговля), финансовые страховые услуги, так и услуги по социально-культурному обслуживанию населения (туризм, шоу-бизнес, СМИ), и, наконец, общественные услуги (здравоохранение, образование и административные службы). Причем именно последние демонстрируют бурный рост, начиная с середины XX в.

Во всех этих областях и видах услуг подавляющее большинство занятых сильно отличается от представителей классического рабочего класса, во-первых, тем, что это, как правило, женщины, а не мужчины, и, во-вторых, тем, что образ их жизни не зависит от ручного труда или манипуляций машин. Они большую часть времени живут в мире информации и управленческой иерархии, т. е. бюрократии. Кроме того, они не могут обходиться без технических компетенций и знаний.

Вопрос о перспективах рабочего класса встал в полный рост именно в период становления теории постиндустриального общества из-за изменений в структуре занятости населения. Считать ли инженера или врача, учителя или банковского клерка рабочим на основании марксистского критерия владения/не-владения средствами производства? Ответ на этот вопрос расколол левое движение Запада. Мы считаем, что такая постановка вопроса в условиях отделения собственности от управления, когда даже рабочий в традиционном смысле этого слова через систему пенсионных и взаимных фондов является собственником или акционером своего или другого предприятия, просто устарела. Новый социальный вопрос формулируется вдоль линии напряженности, идущей от уполномоченного принимать решение к вынужденному его исполнять; от компетентного к неспособному и к незнающему. В обществе всеобщего наемного труда дихотомия собственник/не-собственник просто неактуальна.

Таким образом, центрирование знания в качестве движущей силы нового социума есть существенная черта теории постиндустриального общества. **Д. Белл** определяет знание как “совокупность субординированных факторов или суждений, представляющих собой аргументированное утверждение или экспериментальный результат, способный быть переданным другим людям с использованием средств связи в определенной систематической форме”. Далее, автор

отличает “знания от новостей и сообщений развлекательного характера. Знание состоит как из новых суждений (исследований), так и из новых изложений уже известных суждений (учебников)” [1, 235]. Близки к этой точке зрения **Э. и Х. Тоффлеры**. “В повседневном употреблении слово “знание” — это краткое обозначение всего, что мы считаем истинным... Но только наука представляет собой самокорректирующее знание” [9, 182]. Именно научное знание в условиях постиндустриального общества становится основным ресурсом производства, управления, культуры.

По сравнению с другими ресурсами научное знание обладает некоторыми специфическими чертами. Первая черта — знание по своей сути не является конкурентным ресурсом, т. е. оно является общедоступным. Им могут пользоваться одновременно многие. Вторая — знание как таковое суть нематериально. Третья — знание накапливается нелинейно, т. е. благодаря открытиям и озарениям оно скачкообразно растет. Четвертая — знание относительно, т. е. каждый отдельный фрагмент знания приобретает значение только в системе других фрагментов, создающих контекст. Пятая — знание может соединиться с другим знанием, т. е. оно коммулятивно. Чем больше знаний, тем более разнообразны и полезны из них комбинации. Шестая — знание является самым мобильным ресурсом. Седьмая — знание может быть сжато до ряда абстракций и символов, т. е. оно компактно. Восьмая — знание неисчерпаемо и накапливается с возрастающей скоростью.

Но самые главные, на наш взгляд, характеристики знания как такового — это его уникальность в отличие от товаров, на которые существует рыночная цена, а также его избирательность. Под последней особенностью имеется в виду доступность знания только тем, кто может по своим способностям или своему образованию его усвоить, а значит, и обладать знанием, и использовать его. Говоря другими словами, знание — элитарно, несмотря на то, что общедоступно, прежде всего, благодаря системе образования. И, тем не менее, именно знание становится непосредственной производительной силой постиндустриального общества.

Но знание всегда было опорой человечества, заметят нам. Коли так, в чем же тогда подлинная новизна постиндустриального общества? Наш ответ — в научном подходе к управлению общественным развитием, что наиболее выпукло и ярко отразилось в становлении и развитии такого чисто западного феномена, как **социальное государство**.

О государстве как таковом классики постиндустриализма писали не очень много. Это и понятно, так как, согласно их методологии, они больше анализировали “техносферу”, хотя и подчеркивали, что революционные изменения в этой области ставят новые вопросы перед политиками и экспертами. Правда, есть небольшой пассаж у **Э. Тоффлера**, когда он, констатируя происходящий разрыв между производством и потреблением при становлении индустриализма, отмечал, что в этом случае появилась необходимость в приведении в соответствие между собой “техносферы”, “социосферы” и “инфосферы”. “Из данной потребности в интеграции в цивилизации Второй волны возник самый главный координатор всего, интеграционный двигатель системы, — Большое Правительство” [8, 122]. Именно оно “было великим ускорителем и интегратором. Силой принуждения и взимания налогов оно делало то, за что частное предпринимательство не решалось взяться” [8, 124].

Но целостного анализа мы у цитированных западных классиков не найдем, — только описание возрастающей роли экспертов, научного сообщества, политической элиты и возможных проблем с демократией в этой связи. По нашему мнению, только функционирование социального государства позволило бы перераспределить сокращающиеся рабочие места в сферу услуг (в самом широком смысле), финансировать научные разработки, революционизировать производительные силы, внедрять систему образования и здравоохранения. Никакими потребностями “техносферы” невозможно объяснить все эти вложения.

Для начала рассмотрим подробнее ситуацию взаимоотношения общества и государства в условиях индустриального капитализма, затем — причины появления такого феномена, как “социальное государство” и комплекс взаимоотношений последнего с постиндустриальным обществом. Как известно, индустриальное общество зарождается на определенном этапе развития капиталистического накопления, когда уже появился национальный рынок, национальное либеральное государство, которое признает некоторые права и свободы своих граждан. А также появился и такой специфический товар, как рабочая сила.

В свою очередь, исторически капиталистическая система развивалась в процессе реализации требований либеральных свобод и демократии. Первыми, кто их теоретически обосновал, были **Т. Гоббс** и **Дж. Локк**, а детально разработали и

воплотили в законодательные акты американские просветители XVIII в. Изначально в теории либерализма право голоса в государственных и общественных делах признавалось только за собственниками, приумножающими свою собственность, а подотчетность власти понималась, прежде всего, как запрет вводить новые налоги или определять уровень налогообложения без согласия налогоплательщиков, принимаемых как народ, или их представителей.

Теоретики исторически первой формы либерализма считали, что гарантией для основной свободы человека — свободы иметь и приумножать свою собственность могут стать юридически закрепленные права человека и гражданина, защитой которых становятся закон и независимый суд (**Ш. Монтескье**). На наш взгляд, очень важна и общественная солидарность граждан в виде самоуправления местных общин. Все эти идеи были позднее обобщены в теорию правового государства.

Таким образом, к началу XIX в. были сформулированы и обоснованы все основные идеи и концепции демократического правового (в политической и юридической литературе как синоним используется понятие “конституционное”) государства. При этом, по нашему глубокому убеждению, необходимо иметь в виду, что исходной предпосылкой этой концепции был жизненный мир мелких свободных и равных собственников, проживающих в местных сообществах. Однако становление индустриального способа производства нарушило эту сельскохозяйственную идиллию.

Развитие крупной промышленности, которой имманентно свойственны рационализация, стандартизация, специализация, четкое разделение труда, разорвало тотальность раннего буржуазного жизненного мира. В этой новой ситуации гражданин отделился от собственности — от земли. Индивид отделился от способности трудиться и стал жить не за счет результатов труда, а за счет продажи своей способности трудиться. Изменилась и семья — из патриархальной она стала нуклеарной. И самое главное — распалась общинная жизнь, прежде всего, из-за мобильности населения в поисках работы, но также и вследствие социального расслоения. И как результат этих процессов появились и расцвели пышным цветом разнообразные формы девиантного поведения.

Выскажем убеждение в том, что именно эти глубинные процессы, лежащие в основе индустриализации, приводили к эрозии основ либераль-

ной демократии. В результате “Великой трансформации” (понятие, введенное **К. Поланьи** для обозначения данного периода истории [7, 32]) начала исчезать социальная основа этого типа общества, что, если учитывать ценностное значение идей прав человека и демократии, вызывало драматические социальные и политические конфликты, которые сотрясали все развитые страны на протяжении XIX в. Общественная солидарность, которая покоилась на свободе, равенстве и братстве граждан, была утрачена.

Какие же проблемы породила индустриализация, которые не могли быть решены в рамках первоначального либерального дискурса? Напомним, что понятие “правовое государство” принадлежит буржуазному гражданскому обществу. “Под словами “буржуазное общество” мы понимаем победоносно распространившийся в начале XIX в. общественный порядок, характеризующийся четырьмя основными признаками. Во-первых, правом свободного самоопределения индивидуума в тех сферах общественной жизни, которые не интегрированы непосредственно в официальные государственные структуры, прежде всего в экономике и культуре. Во-вторых, саморегуляцией свободно протекающего процесса экономического и культурного развития. В-третьих, достижением максимальной экономической и культурной результативности в процессе свободного соревнования. В-четвертых, формированием новых, образованных и имущих общественных элит — буржуазии, вытесняющей с государственных должностей прежние привилегированные сословия, прежде всего земельное дворянство” [5, 167].

Формирование этого общества являлось, по сути, грандиозной социальной революцией, независимо от форм и темпов ее протекания. Под “правовым государством” же обычно в современной литературе понимается государство, характеризующееся пятью формальными признаками: во-первых, принципом разделения властей; во-вторых, принципом независимости суда; в-третьих, принципом подзаконности административного управления; в-четвертых, принципом правовой судебной защиты; в-пятых, принципом общественно-правовой компенсации. Но это, по нашему мнению, всего лишь признаки формальной законности, которыми, как показал опыт некоторых стран, могут лишь отлично управлять и извращать бюрократы всех мастей. “Истинный смысл, истинная суть правового государства — это реальная, материальная справедливость. Госу-

дарство является воистину правовым лишь в том случае, если оно — как в своих структурах, так и в своей деятельности — направлено на обеспечение равноправия и справедливости” [5, 170].

Идея социальной справедливости является конституирующей в процессе солидаризации общества на протяжении всей человеческой истории. Именно представление об общественном отношении как справедливом, т. е. intersубъективно признаваемом, обеспечивает легитимацию политических институтов и лидеров. Отсюда правомерно заключить, что именно идея социальной справедливости осуществляет интеграцию общества. Поэтому указанные выше пять принципов формальной законности являются лишь средством на службе этой идеи реальной справедливости, в практическом осуществлении которой и оправдывается идея правового государства как таковая.

Безусловно, в каждом типе общества существует свое понимание идеи социальной справедливости. “Справедливость, как полагалось во времена становления и укрепления буржуазного общества, заключалась в том, чтобы обеспечить каждому такие его естественные права, как право на жизнь, на свободу, на собственность, т. е. права, которые положены каждому индивидууму от природы, права, неотъемлемость которых диктует разум” [5, 171]. Но индустриализация создала такую ситуацию, когда представление о справедливости, которое в свое время объединило все третье сословие и повело его на штурм традиционных институтов Старого порядка, не могло быть реализовано.

Последующая история показала, что создание крупных заводов и фабрик потребовало концентрации в городах индивидов, продающих единственную свою собственность — свою способность к труду, т. е. рабочую силу, и получающих взамен все, что необходимо для жизни, — жилье, пищу и другие радости. Не имеющие никакой собственности, они были лишены человеческого достоинства в глазах буржуазии и именно поэтому могли быть подвергнуты беспощадной эксплуатации. Пауперизация, так ярко описанная **К. Марксом** и другими социалистами, в свою очередь, вызвала классовую борьбу за утверждение человеческого достоинства людей наемного труда и идеи справедливости.

Поскольку граждан, как собственников, становилось все меньше, постольку общество, чтобы избежать десолидаризации и полного саморазрушения, было вынуждено во имя справедливос-

ти отказаться от идеи государства как “ночного сторожа” и создавать новый тип государства, который в научной литературе получил название “социального государства”. Такое государство должно было обеспечить воспроизводство гражданина как человека с чувством достоинства из массы людей, лишенных собственности и живущих наемным трудом.

Назовем основные признаки развитого индустриального общества, к которому применимо понятие “социальное государство”. Во-первых, это система экономики с высокоразвитой концентрацией капитала, с высочайшим уровнем технического развития, с рационализированным процессом труда, со стандартизированными потребностями. Во-вторых, это общественная система, в которой место прежней сословной иерархии заняли классовые противоречия. Причем класс неимущих, обладающий сильно развитым чувством классового сознания, в борьбе добивался политического равноправия с классом собственников. В-третьих, это культурная система с всеобщим образованием, с равным для всех, в том числе и для неимущих, правом доступа к культурным ценностям и достижениям цивилизации. Это система, в которой культура превращается в производство и соответственно организуется. В-четвертых, это государственная система с административным аппаратом, направленным на экономические, социальные и культурные потребности населения, причем аппарат этот используется как для удовлетворения массовых потребностей индустриального общества, так и для управления ими. В-пятых, это такая государственная система, которая в своей деятельности отказалась от “принципа невмешательства”, составляющего основу либеральной государственности, с тем, чтобы перейти к так называемой “социальной интервенции” с целью защиты социально слабых классов и общественных слоев [5, 173].

Говоря другими словами, буржуазное общество — это общество, основой которого является свобода от любого государственного вмешательства в его жизнь. Индустриальное же общество, напротив, это общество, нуждающееся в государственном вмешательстве. Но, и это очень важно, целью этого вмешательства является утверждение принципов равноправия и социальной справедливости, т. е. для сохранения солидарности членов общества, а значит и общества как такового, чтобы его не растащила на куски стихия рынка и неконтролируемая индустриализация. Из вышеизложенного следует, что социальное

государство может возникнуть только демократическим путем во имя утверждения идеи демократии и идеи справедливости как абсолютных ценностей.

Экономическая возможность этого, на наш взгляд, возникает тогда, когда собственность отделяется от управления и последнее бюрократизируется, что облегчает государственное вмешательство структурно. Таким образом, для обеспечения бесперебойного функционирования демократического государства необходимо было создать такую систему социальной безопасности граждан, которая бы защищала их от опасностей рыночного индустриального хозяйства. Объективно создавалась ситуация, когда свобода для всех, провозглашаемая конституцией, на деле могла обернуться засильем обеспеченных граждан, в то время как бедные, впадая в экономическую зависимость, по сути, исключались из процесса принятия политических решений.

Для того чтобы появилась эта возможность (т. е. для включения лишенных собственности граждан в демократический процесс), потребовалось переосмыслить и переформулировать ряд принципиальных “естественных прав” человека — права на жизнь, права на собственность, а также и концепцию права как такового. Стало ясно, что для граждан, существующих за счет продажи своей способности к труду, право на жизнь может быть реализовано только в виде права на достойный труд. Именно поэтому все мероприятия по гуманизации труда начинались во всех странах с деятельности фабричных инспекций.

Было установлено также, что матрица индивидуального и свободного трудового контракта не создает равноправия сторон (рабочего и капиталиста) в договоре, хотя именно на этом постулате держалось тогдашнее право. Такое равенство может быть достигнуто только через признание реальности и значимости трудового коллектива, который дает возможность отдельному рабочему реализоваться как полноценному субъекту в отношениях с работодателем. Поэтому во всех развитых странах неизбежно возникали профсоюзы, которые могли вести переговоры на равных с предпринимателями, а также появился механизм коллективного трудового договора, в котором определялись базовые условия по найму. И, как вершина этого процесса пересмотра основных догматов либерализма, появилась система обязательного коллективного страхования от рисков наемного труда: внезапной утраты трудоспособности, старости, безработицы и др.

“Технология страхования играла фундаментальную роль в изменении правовой сферы, — констатирует **Р. Кастель**. — Разделяя законные обязательства и индивидуальную ответственность, социальное право может учитывать обобществление интересов, что является следствием солидарности, объединяющей разные части социального тела... Система страхования запустила механизм солидарности, даже если акционеры не поняли этого” [2, 338]. Конечно, рабочий платит страховку не для того, чтобы быть солидарным. Однако он становится таковым. Его интерес теперь зависит от интересов других членов коллектива и даже всего класса, состоящего из застрахованных работников. Таким образом, в системе обязательного социального страхования индивидуальный риск покрывается за счет того, что он включен в систему коллективной защиты.

Но самое главное заключалось, на наш взгляд, в том, что эта система позволяла преодолеть дихотомию “автономная собственность/гетерономный труд”. “Решение социального вопроса состояло не в том, чтобы отменить оппозицию собственник/не-собственник, а чтобы переопределить ее, то есть противопоставить частной собственности другой тип собственности, а именно: общественную, позволяющей получить защиту, не имея частной собственности” [2, 343]. Таким образом, теперь источником социальной безопасности стала своего рода передача собственности посредством труда и под контролем государства.

Появление собственности общественных фондов, управляемых государством, создало новую историческую ситуацию, когда взносы были обязательны, и они давали неотчуждаемое право, которое нельзя было вывести на рынок. Зарплата перестала являться только вознаграждением рабочему, эквивалентом стоимости его рабочей силы. Отныне она содержала в себе часть, представлявшую собой своеобразную трудовую ренту для внепроизводственных ситуаций. Страхование вписывает рабочего в правовой порядок. Определенные преференции получило и государство. Теперь, управляя общественной собственностью, оно перестало быть только защитницей буржуазной собственности и, следовательно, стало опираться на более широкую социальную базу. У него отпадает необходимость бороться с программой социалистического присвоения всей собственности.

Итак, концепция социального государства считает возможным достигнуть справедливости и солидарности в обществе посредством вме-

шательства демократически легитимированной власти ради сохранения и роста капиталистического способа создания богатства. В качестве способа конституирования солидарности в индустриальном обществе социальное государство избрало, в конечном итоге, гарантирование своим гражданам определенного уровня потребления через трансферты и дополнительные выплаты некоторым категориям населения. Поэтому в своем развитом виде социальное государство — это “государство всеобщего благоденствия”. Именно поэтому мы можем утверждать, что социальное государство опосредовало собою взаимоотношение “производство — обмен — потребление” благодаря социальной инженерии и социальным реформам. Кроме того, необходимость управлять новым сложным обществом потребовала нового более глубокого понимания специфики социального и тем самым предопределила бурное развитие социальных наук, точно так же, как потребности индустриального развития детерминировали рост теоретического знания.

Из изложенного выше ясно, что теория постиндустриализма могла быть выработана только в условиях западного социального государства. Существенные признаки постиндустриального общества, сформулированные **Д. Беллом**, — это не что иное, как экспликации имманентных сущностей социального государства в его современной, развитой форме. Иначе говоря, это общество, в экономике которого приоритет перешел от производства товаров к производству услуг, проведению исследований, организации системы образования и повышению качества жизни. Именно в условиях социального государства и концентрации капитала собственность отделилась от управления и, как результат, произошла бюрократизация корпораций.

Поскольку во имя социальной справедливости и демократии государственный аппарат был вынужден из-за напряженного классового противостояния активно вмешиваться в рыночное хозяйство (с целью перераспределения национального дохода), постольку можно сказать, что тогда была разорвана непосредственная связь производства и потребления и действительно возросло значение сферы услуг. Государство стало стимулировать научные исследования путем как финансирования, так и организации соответствующих институтов. Новые задачи потребовали модернизации системы образования, и эту задачу также успешно решает социальное государство, в том числе за счет роста доступа к образованию

различных социальных меньшинств. И уж, конечно, одна из главных задач политики всеобщего благосостояния — повышение качества жизни своих граждан.

Отметим, что другой существенной характеристикой постиндустриального общества **Д. Белл** считал то, что в нем класс технических специалистов стал основной профессиональной группой, причем, что самое важное, любые инновации зависят от достижений теоретического знания. На политическом уровне представители этого нового класса выступают в качестве консультантов, экспертов или технологов. Очевидно, что бюрократизация корпораций и интервенционалистские амбиции социального государства действительно вызвали к жизни новый класс, описанный американским ученым. Более того, можно сказать, что весь проект социального государства имеет своей предпосылкой веру в то, что (1) общество и экономика имеют свои законы, что (2) их можно познать и сформулировать, что (3) на основе знания можно справедливо конституировать социальную реальность бюрократическими методами.

Именно поэтому очень часто критики социального государства редуцируют весь проект к попытке социальной инженерии, игнорируют демократическое содержание этой концепции и практики. Поэтому значение класса технических специалистов, администраторов, бюрократов и исследователей резко возрастает по мере успешной реализации проекта “социального государства”. Рост значения теоретического знания, прежде всего, по нашему мнению, связан также с описанными процессами.

Вновь встают далеко не риторические вопросы: Так существует ли такой феномен, как “постиндустриальное общество”? Какую историческую тенденцию уловили основоположники этой теории? И если оно существует, то каковы перспективы у социального государства в этой связи? Безусловно, теория постиндустриального общества описывает реальные исторические изменения, которые начали происходить на Западе с середины 50-х годов XX в. Основоположникам этой теории удалось зафиксировать и описать классический случай “непредвиденных последствий”. Несмотря на то, что они не акцентируют прямую связь социального государства и возникающего постиндустриального общества, им удалось концептуализировать точку бифуркации современного общества, а именно — формирование приоритета теоретического знания как основ-

ного экономического, социального и политического ресурса.

Именно осознание этого факта является конституирующим фактором появления на арене истории новых классов — технократов, бюрократов и обслуживающих их потребности ученых. Теперь самоопределение класса уже реализуется не только и не столько в процессе производства, что было характерно для индустриального общества. **Д. Белл** так и пишет: “В конечном итоге класс означает... систему, установившую основополагающие правила приобретения, владения и передачи различных полномочий и связанных с ними привилегий” [1, 485].

Естественно, что такое положение дел оказывает влияние на представление граждан о справедливости — об этой осевой идее при конституировании солидарности. Учитывая основополагающий характер демократических ценностей для западной цивилизации в индустриальном обществе, как показано выше, социальность формируется через гарантирование государством определенного уровня потребления, что, в свою очередь, создает условия для воспроизводства гражданина, способного принять участие в демократическом процессе.

В постиндустриальном же обществе обычно считается, что ситуацию “включенности в новую экономику знаний” можно попытаться создавать через систему образования. Но знание, как общественное благо, не только обладает качеством общедоступности (неконкурентности), но и свойством избирательности, т. е. его могут усваивать и тем более развивать далеко не все. Говоря другими словами, развитие человеческого общества шло и идет от борьбы за конкурентные ресурсы, которая была частично разрешена с помощью социального государства, к ситуации, когда ресурс общедоступен, но не все могут его использовать. И эта ситуация представляет собой еще одну сильную угрозу социальному государству, а значит, и солидарности западного общества.

Таким образом, бюрократизация социального государства порождает неспособность адекватно реагировать на нужды общества, которое им порождено. На высшей стадии его развития (на этапе государства всеобщего благосостояния), когда ведущей темой демократического дискурса становится коллективное благоприятствование “социально невключенным” группам населения, эмпирически становится очевидно, что происходит десинхронизация формы социального государства и масштабов постиндустриального общества,

которое, с точки зрения социальности, суть общество всеобщего наемного труда. Именно тогда так называемому “среднему классу” становится понятно, что государство не может быть источником благосостояния, а скорее даже наоборот.

В обществе социально равных индивидов позитивная дискриминация и политика включения приводят к росту напряженности и десолидаризации социума. Да и знание, основной ресурс возникающей новой экономики и политики, — также по своей природе недемократично. Иначе говоря, возникают серьезные угрозы идеалам равенства и свободы, на базе которых были сконструированы социальность и солидарность новейшего западного общества.

Социальное государство являлось уникальной исторической инновацией, своеобразным социальным компромиссом, которому удалось создать новую социальность или способ солидаризации общества исходя из жизненного мира буржуа и наемного рабочего, т. е. на основе синтеза идей либерализма и демократии. **В законченном теоретическом виде этот синтез выразился в идее социального правового государства, где правовое подразумевало демократию, а социальное определяло гарантии устойчивости жизненных условий для всех граждан**, прежде всего, для лиц наемного труда. Концепция эта не была статична и успешно практиковалась и развивалась на протяжении почти ста лет. Но, начиная с середины 50-х годов XX в., некоторым ученым стало заметно, что государство подчинило себе общество, что оно перестало быть арбитром социальных конфликтов.

Этот новый симбиоз гражданского общества и социального государства был назван “постиндустриальным обществом”, так как основным ресурсом во всех сферах социального стало знание (информация), а не индустриальный способ производства или потребления. Знание и бюрократизация всех институций социального государства (частных корпораций; общественных корпораций, — таких, как университеты или больницы; муниципального или государственного управления) создали угрозы основам жизненного мира западного человека, особенно таким ценностям, как справедливость, равноправие, демократия в широком смысле этого слова. Следовательно, вновь проявилась угроза десолидаризации общества, которая, прежде всего, проявляется в снижении доверия у граждан к институтам социального государства. И сейчас основной вопрос для развитых стран состоит в том, как найти новые способы

конституирования социальности: использовать ли достижения социального государства или все подвергнуть радикальному сомнению? Следует ли, как прежде, исходить из принципов “первобытного” либерализма (как это предлагают, например, американские неоконсерваторы)?

Первая реакция на начавшийся недавно мировой финансовый кризис показала, что любое государство пытается бюрократическим способом восстановить солидарность, подорванную в эпоху глобализации. И это вызывает серьезные протесты западной общественности. Поэтому можно с высокой степенью уверенности сказать, что развитые страны будут искать выход из сложившейся ситуации на основе консенсуса, который будет включать все предпосылки жизненного мира гражданина социального государства: демократия, субсидиарность, солидарность, защита статуса гражданина как такового, ориентация на интересубъективно разделяемые ценности свободы и справедливости. Плюс высокие экологические стандарты жизни на всей планете. Именно эти ценности и определяют понятие “качества жизни” для нового поколения граждан, составляющих постиндустриальное общество и порожденных практикой социального государства.

Литература

1. Белл Д. Грядущее постиндустриальное общество. Опыт социального прогнозирования: Пер. с англ. — М.: Academia, 1999.
2. Кастель Р. Метаморфозы социального вопроса. Хроника наемного труда. — СПб.: Профиздат, 2009.
3. Кочетков В. В., Кочеткова Л. Н. Истоки и перспективы глобализации // Социальная политика и социология (Москва). — 2009. — № 2.
4. Кочеткова Л. Н. Социально-философский анализ феномена идеологии. — Автореф. ... дисс. канд. филос. наук. — М., 1995.
5. Политическая философия в Германии: Сб. ст.: Пер. с нем. — М.: Современные тетради, 2005.
6. Сіленко А, Коляденко В. Соціальна держава: тернистий шлях до визнання. Світовий досвід і перспективи України. — К.: ТЕС, 2002.
7. Скрипнюк О. Соціальна, правова держава в Україні: проблеми теорії і практики. — К.: Ін-т держави і права ім. В. М. Корецького НАН України, 2000.
8. Тоффлер Э. Третья волна: Пер. с англ. — М.: Прогресс, 1999.
9. Тоффлер Э., Тоффлер Х. Революционное богатство: Пер. с англ. — М.: Профиздат, 2008.

Рассматривается взаимосвязь индустриального/постиндустриального общества и правового социального государства. Авторы сравнивают экспликацию основных характеристик постиндустриального общества в описании Д. Белла и доказывают, что оно могло возникнуть только в условиях социального государства на Западе. Излагается новое понимание сущности социального государства. Она связана с утверждением человеческого достоинства индивида, лишённого всякой собственности. Актуализированное понятие социального государства позволяет точнее определить траекторию выхода из современного мирового кризиса, который есть не что иное, как первый глобальный кризис постиндустриального общества.

Розглядається взаємозв'язок індустріального/постіндустріального суспільства і правової соціальної держави. Автори порівнюють експлікацію основних характеристик постіндустріального суспільства в описі Д. Белла і доводять, що воно могло виникнути тільки в умовах соціальної держави на Заході. Викладається нове розуміння сутності соціальної держави. Вона пов'язана з утвердженням людської гідності індивіда, який не має жодної власності. Актуалізоване поняття соціальної держави дає змогу точніше визначити траєкторію виходу із сучасної світової кризи, яка є не що інше, як перша глобальна криза постіндустріального суспільства.

This article is devoted to the consideration of the interconnection between the industrial/post-industrial society and the welfare state. After the analysis of the main features of the post-industrial society in D. Bell's interpretation the author shows that the new society is possible to exist only on the basis of Western welfare state. In addition there is a new definition of the essence of that social institute. In author's opinion its main aim is to maintain human dignity of an individual dispossessed of any property. Also the author asserts that such a renovated concept of the welfare state puts civil society and government into a position to smooth over the consequences of the global crisis. The latter is nothing but the first crisis of the post-industrial society.

Получена 10 июня 2009 г.